

— Потерпи, это Суп Встречи Гостей. В этом Квартале Красоток Инь-Ян то и дело кто-нибудь приходит с проверкой, и хозяйка должна встречать гостей. В качестве компенсации все присутствующие здесь ёкая могут выпить по пиале этого супа, он очень питателен, — с совершенно невозмутимым видом произнесла Байхэ. Сейчас она ни капли не напоминала ту нежную, наивную красавицу, какой казалась днем.

Услышав слово «питателен», Тао Шаньцзэ снова чуть не вырвал:

— Ты вообще человек?

— Я — нет, и Чи Мэй тоже, молодой господин, — легко усмехнулась Байхэ. — Просто ты мне люб, я не причиню тебе вреда.

— Ох... — издав протяжный, полный глубокого смысла звук, Тао Шаньцзэ отвернулся и пару раз судорожно сглотнул.

— Все на свете знают, что суп Мэн По помогает забыть прошлую жизнь — его дают пить смертным. Но Суп Встречи Гостей предназначен как раз для этого места; хотя пить его не обязательно, его всё равно раздают этим мелким ёкаям, — слабо улыбнувшись, Байхэ попыталась взять Тао Шаньцзэ за руку, но он резко отдернул её.

— Выпей чаю, — заметив, что Тао Шаньцзэ тошнит, Байхэ протянула ему пиалу.

Ощущение пребывания посреди океана призраков было до ужаса пугающим, поэтому ему оставалось лишь довериться Байхэ. Однако, приняв пиалу, он случайно бросил взгляд на чайную гладь и увидел отражение лица Байхэ.

Рука Тао Шаньцзэ дрогнула, и чай плеснулся на землю.

Ибо в водном отражении перед ним больше не было пленительного облика красавицы — лишь голый скелет, чьи белые пальцы без единой плоти держали эту пиалу.

Казалось, давным-давно кто-то уже говорил ему, что, прежде чем пить чай, нужно заглянуть в его отражение.

Но Тао Шаньцзэ этого уже не помнил.

Сделав вид, что ничего не заметил, он отступил от неё подальше, чувствуя себя невероятно сюрреалистично: всего за один день он уже несколько раз прошел по краю гибели.

И кто же это был?

Тао Шаньцзэ бессознательно прижал к груди нефритовый кулон — тот еще хранил тепло его тела, — только вот он не знал, что стало с Чи Мэем.

В этот момент Тао Шаньцзэ даже почувствовал некоторое облегчение от того, что он не человек; иначе он бы всерьез испугался, не уготован ли ему путь в качестве ингредиента для тушеного мяса.

Большой зал внезапно погрузился во мрак. Пронесся порыв зловещего ветра, задув все свечи; бескрайний зал стал похож на затерянный в открытом море остров, где клубилась чернота, смешиваясь с удушающим туманом.

Вскоре Тао Шаньцзэ перестал разглядывать даже стоявшую рядом Байхэ — дышать стало тяжело. Эта сцена казалась еще более жуткой, чем недавнее появление Божества в Доспехах, однако Тао Шаньцзэ не покидало странное чувство дежавю.

Тут же раздался изумленный возглас: неизвестно откуда появился цветок красного лотоса. Медленно распустив лепестки, он источил опьяняющий сладкий аромат, который мгновенно развеял тошнотворный смрад гниющей плоти, а вслед за ним рассеялся и густой туман.

Тао Шаньцзэ прищурился.

Но в следующее мгновение он увидел, что абсолютно всё вокруг застыло, и даже Байхэ замерла в одной позе.

Застыло всё, и лишь он один мог двигаться.

Разумеется, не считая мужчины, который медленно шел к нему.

Мужчина был облачен в белые одежды; он появился в тот самый момент, когда распустился бутон красного лотоса. Лица его было не разглядеть, но казалось, будто его окутывает слой инея. От него веяло легким холодом, и Тао Шаньцзэ невольно вздрогнул, но отвести взгляд не мог.

— Я наконец нашел тебя.

Мужчина заговорил, и Тао Шаньцзэ слегка приподнял подбородок, но сквозь пелену тумана разглядел лишь те самые ослепительные глаза.

Если на свете существовали звездные реки, то в его глазах отражалось всё Море Беспредельного.

Ин не человек, а у... на самом деле тоже.

Спасибо за чтение!

Тому ли доверился

— Ты чуть до смерти меня не напугал! Я уж думал, ты проспишь целый день, — очнувшись, Тао Шаньцзэ тут же увидел сидящего рядом Чи Мэя, который сложил пальцы в жест мудры и смотрел на него с плачевным выражением лица.

Его вид был точь-в-точь как у вдовы, оплакивающей покойного мужа.

Перед тем как попасть в этот мир, Чи Мэй еще немного противился необходимости поддерживать чужой образ, но теперь он справлялся с этим без малейшего напряжения, совершенно не чувствуя за собой никакой неловкости.

И что еще более удивительно: поступи он так с кем-нибудь другим, он бы непременно ощутил внутренний протест. По правде говоря, ни с одним из тех, кто попадал в Мир Ляочжая, он не вживался в роль настолько сильно.

Но Тао Шаньцзэ был другим.

От него исходил не просто аромат, а особая аура, заставлявшая Чи Мэя невольно подыгрывать его спектаклю.

В самом Тао Шаньцзэ таился некий неуловимый, тонкий привкус.

Если бы представилась возможность, превратившись в Древнего божественного зверя — Бай Цзэ, он бы с удовольствием повалился в его объятиях.

Придерживая голову, Тао Шаньцзэ приподнялся. В его памяти всё еще стояли глаза того незнакомца, но происходящее вокруг казалось донельзя странным: он совершенно не помнил, что пережил прошлой ночью, и понятия не имел, как Чи Мэй и Байхэ выбрались из Квартала Красоток.

При мысли о Байхэ и Чи Мэе он вспомнил их слова — оба утверждали, что другой вовсе не человек.

Тао Шаньцзэ не знал, верить этому или нет, но на душе было беспокойно, и он немного отодвинулся:

— Ты человек?

— Тьфу, что за вопросы задает муж! Разве я не человек? Или, по-твоему, я лисья демоница?

И надо же было такому случиться: в этом мире он и впрямь оказался лисом-демоном.

Но Чи Мэй ни за что не смел в этом признаваться — та женщина-демоница-призрак Байхэ еще не создалась, а ему тем более нельзя было колоться.

— Ты помнишь, что было вчера вечером? — увидев несерьезную физиономию Чи Мэя, Тао Шаньцзэ чудом почувствовал облегчение: такой Чи Мэй был ему привычен и знаком.

— Конечно помню! Только потом я не мог тебя найти, не знал, куда ты подевался, а когда проснулся, уже вернулся сюда, — внезапно посерьезнел Чи Мэй.

На самом деле он просто лукавил. Он видел, как Байхэ увела Тао Шаньцзэ, но его собственное тело вдруг стало прозрачным, и сколько он ни пытался удержать Тао Шаньцзэ, у него ничего не вышло.

Оставалось лишь смотреть во все глаза, как тот отдаляется от него.

А сам он от собственной безысходности и прозрачности потерял сознание, очнувшись уже за пределами того мира.

То, что Тао Шаньцзэ сумел очнуться — чистая случайность. Чи Мэй полагал, что, скорее всего, его спасла та женщина-призрак Байхэ, а значит, она не такая уж злодейка.

Поэтому, тщательно подбирая слова, Чи Мэй спросил:

— У тебя не осталось воспоминаний о том, как ты оттуда выбрался?

При этих словах взгляд Тао Шаньцзэ затуманился.

Вся его память сосредоточилась на глазах того мужчины.

Сияющие, подобно падающим звездам, очи можно было увидеть, пожалуй, лишь в Море Беспредельного сферы Хаоса самого Будды, и смотрели они на него с затуманенной нежностью.

Сглотнув слюну, Тао Шаньцзэ неестественно произнес:

— Не знаю.

Потрясение от этого мимолетного, но вечного взгляда оказалось слишком сильным; даже перед лицом собственного мужа он не хотел об этом говорить.

Чи Мэй протянул «о-о-у», отчетливо понимая, что тот что-то от него скрывает, но раз Тао Шаньцзэ не желал говорить, давить он не стал. С мрачным видом кивнув, он тут же заметил отворившую дверь Байхэ.

И расслабленные мышцы Чи Мэя вновь мгновенно напряглись.

Байхэ выглядела точно так же, как и в будние дни, разве что синяки под глазами стали заметнее — судя по всему, прошлую ночь она провела без сна.

— Братец Чи Мэй, не уделишь ли мне минутку? У меня есть разговор к молодому господину, — поклонившись, произнесла Байхэ, обращаясь к Чи Мэю.

Опираясь на локти, Тао Шаньцзэ приподнялся и сказал:

— Выйди пока, мне тоже нужно кое о чем поговорить с Байхэ.

Чи Мэй: «?»

Это ощущение того, что его отодвигают на второй план, было неприятным. Он почувствовал к Байхэ еще большую неприязнь, но показать её при Тао Шаньцзэ не смел и был вынужден выйти.

Прижав руку к кулону на груди, Тао Шаньцзэ спокойно произнес:

— Байхэ, прошлой ночью мне приснился сон. Хочешь послушать?

— Наверное, молодой господин говорит о событиях прошлой ночи? Служанка как раз пришла, чтобы сказать господину: всё это правда.

Байхэ внезапно опустилась на колени, заливаясь слезами:

— Молодой господин, служанка обманула тебя, я — не человек.

Тао Шаньцзэ был поражен её чистосердечием и поначалу хотел поднять её, но Байхэ ударила лбом о пол с такой силой, что, когда подняла голову, на коже уже виднелись следы крови.

— Служанка — призрак, но я никогда помышляла о том, чтобы навредить молодому господину! Ты люб мне, и с того самого момента, как я услышала твой голос из-за дверной задвижки, все мои мысли и помыслы принадлежат лишь молодому господину.

Если бы Байхэ продолжала лгать и сейчас, Тао Шаньцзэ, пожалуй, усомнился бы в её искренности, но теперь, когда она призналась во всём сама, всё выглядело чистым и прозрачным.

— Встань сначала, поднимайся и говори, — в сердце Тао Шаньцзэ шевельнулась жалость, он потянулся поднять её, но от неожиданной потери равновесия они оба рухнули на пол.

Сделав кувырок на полу, они замерли: Байхэ оказалась сверху.

Оба тяжело дышали, ошеломленные случившимся.

И надо же было такому случиться, чтобы в этот самый момент дверь распахнул Чи Мэй. Увидев такую картину, он вспыхнул праведным гневом: когда Тао Шаньцзэ и Байхэ строила друг другу глазки, он еще держался, но теперь сдержать бушующее в груди волнение не мог.

Кем бы ни приходился ему Тао Шаньцзэ, этот человек был приведен в мир им самим, и осквернять его всякой нечисти этого мира он не позволил бы.

Собрав на ладони ци лотоса, он отшвырнул Байхэ и рявкнул:

— Что ты творишь?!

Удар пришелся прямо в спину Байхэ. Та кашлянула кровью, но не стала давать откладку — лишь снова опустилась на колени, глядя на Тао Шаньцзэ:

— Молодой господин, не вините братца Чи Мэя, он не со зла.

Тао Шаньцзэ вскочил, прижал Байхэ к груди и взревел:

— А ты что творишь?!

— Она — не человек! — Чи Мэй был готов выплеснуть кровь от гнева.

Тао Шаньцзэ парировал:

— Знаю, она только что мне об этом сказала!

— Да она высосет твою жизненную силу! — увидев их соединенные руки, Чи Мэй едва не потерял рассудок от прилива крови к голове.

Стиснув зубы, Тао Шаньцзэ бросил в ответ:

— А ты разве человек?

Чи Мэй замер, и в ту же секунду у него зачесалось сзади. Обернувшись, он остолбенел.

За его спиной лениво покачивался пушистый большой хвост — судя по всему, из-за недавнего применения духовных сил он больше не мог поддерживать человеческий облик и выдал себя.

Глядя на Байхэ, Чи Мэй отчетливо понял истину: нет зверя страшнее разгневанной женщины.

Это была ловушка, расставленная в расчете на то, что он в неё попадет.

Байхэ первой призналась, что она не человек, а вот он — нет.

Пассивная позиция всегда проигрывает активной.

— Убирайся, не доводи до того, чтобы я позвал даоса, — холодно глядя на него, произнес Тао Шаньцзэ.

— Хорошо, — Чи Мэй едва не смеялся от злости. Прижав пальцы к переносице, он судорожно вдыхал и выдыхал. — Хорошо! Живи тогда с ней! Что бы с тобой ни случилось, мне плевать, пусть твоя сестрица Байхэ о тебе заботится!

Широко шагнув, он с грохотом захлопнул за собой дверь.

Закрывая её, он по неосторожности прищемил хвост, но, сжав зубы и преодолевая боль, свирепо зыкнул на эту парочку сукиных детей и окончательно затворил створки.

Уж в чём-чём, а в этом он убедился сполна.

У меня другие планы, не беспокойтесь~

Я-то думал, раз план расписан, то и дело пойдет быстро, но всё же переоценил себя — дописать всё равно не успеваю... Вести две книги одновременно тяжеловато, так что немного изменю описание: к концу июня та работа должна завершиться, и тогда я постараюсь писать как

можно больше.

Эта часть частично отсылает к «Ляньшэн» из Ляочжая.

Хочу еще

Чи Мэй нашел безлюдное место и, сев в медитацию, выровнял ци в своем теле — только после этого ему стало полегче, по крайней мере, хвост удалось спрятать.

Однако этот мужик Тао Шаньцзэ и впрямь переходил все границы. Сколько же у него вообще лиц?!

Когда он был нужен — пользовался им вовсю, а когда надобность отпадала — выкидывал как ненужную вещь. Чи Мэй просто не находил слов, чтобы описать свои чувства в этом мире.

Единственным утешением служили здешние бонусы: плотские утехы с Тао Шаньцзэ на ложе доставляли такое колоссальное удовольствие, что забыть их было невозможно...

Раньше он всегда противился телесным контактам, и когда в прошлые разы приводил людей в Ляочжай, подобного почти никогда не случалось.

Но совместная жизнь с Тао Шаньцзэ оказалась запутанной и переменчивой.

И самое странное — он не испытывал ни малейшего отторжения, напротив, наслаждаясь каждой секундой.

Поразмыслив об этом, он решил, что Тао Шаньцзэ просто временно ослеплен той женщиной. В конце концов, они с Тао Шаньцзэ теперь мужья, а у влюбленных мужчин ум за разум заходит, вот его и обвела вокруг пальца какая-то Байхэ.

Как законный муж, обладающий к тому же воспоминаниями о прошлом, он должен проявить известное понимание.

Вздохнув, Чи Мэй подумал, что всё же не помешало бы до конца разобраться в том, что произошло прошлой ночью.

Вспоминая миры, где бывал Тао Шаньцзэ раньше: тогда он проходил через три слоя иллюзий, но из каждого выхода всегда вела дверь, хотя немало пришлось пережить и насквозь пронзительных любовных драм, и запутанных чувств.

Прошлой ночью его угощение еще не было подано до конца, и он еще не успел вдоволь наслушаться сплетен о наследном принце, как какая-то загадочная магическая сила вышвырнула его из сновидения. Сам же он сделался прозрачным и уже никак не мог повлиять на Тао Шаньцзэ — его присутствие казалось там излишним.

А проснулся он среди бела дня, обнаружив на постели мирно спящего Тао Шаньцзэ, не подававшего признаков пробуждения.

Спустя время, равное горению одной палочки благовоний, черты лица Тао Шаньцзэ вдруг исказились в крайне сладостной, мягкой улыбке, он блаженно почмокал губами — по всему было видно, что ему снится либо сладкий сон, либо любовная истома.

Рассуждая логически, подобное могло произойти только в том случае, если он встретил таинственного незнакомца, способного управлять иллюзиями.

Этот человек либо тоже проник в Мир Ляочжая извне, либо был коренным жителем здешних мест.

Судя по всему, верен второй вариант.

Будь тот пришлым, Чи Мэй, тысячелетиями водивший людей в Ляочжай и повидавший на своем веку самые разные истории, непременно бы с ним столкнулся; если же он местный, то его духовные силы должны превосходить силы самого Чи Мэя.

А реакция Тао Шаньцзэ определенно означала, что он видел этого человека, но утаил правду, храня на лице лишь нежную улыбку.

В конце концов Чи Мэй пришел к выводу:

Тао Шаньцзэ — непостоянный и ветреный негодяй, а тот человек, должно быть, невероятно красив и пленителен, раз сумел растопить его черствое сердце и заставить покорно сдаться на милость победителя.

Чи Мэю тоже захотелось взглянуть на этого человека.

Прислонившись спиной к стене, он увидел, как из дверей появляется Тао Шаньцзэ под руку с Байхэ. Та нежно и хрупко прижималась к его плечу, и оба они выглядели до того влюбленными, будто расстаться были не в силах.

Серьезно обдумав ситуацию, Чи Мэй пришел к выводу, что, пожалуй, ему пора начать любить женщин.

Мужчины на него больше никакого впечатления не производили.

Иначе, судя по неизменно сногшибательной красоте Чи Мэя на протяжении тысячелетий, Тао Шаньцзэ должен был круглыми сутками не вылезать с ним из постели...

Вчера Байхэ потратила слишком много сил, и дневной выход на солнце сулил ей неприятности, поэтому она проводила Тао Шаньцзэ до дверей и тихо произнесла:

— Молодой господин, ступайте на юго-запад. Тот, кому суждено переродиться наследным принцем, ждет вас там.

Тао Шаньцзэ кивнул:

— Благодарю за труды.

Вчерашний сон стоял перед глазами так живо, а слова тех ёкаев гремели в ушах набатом — забыть их было невозможно. Если Тао Шаньцзэ хотел выжить и благополучно сдать императорские экзамены, человек, которому предстояло переродиться наследным принцем, ни в коем случае не должен был умереть.

Только его благополучное перерождение и соблюдение закона кармы заставили бы ёкаев оставить мысли о том, чтобы пустить Тао Шаньцзэ на замену принцу.

В конце концов, прекрасный незнакомец являлся спасать его далеко не каждый раз.

В памяти Тао Шаньцзэ вновь всплыли глаза того мужчины — мягкое синее море, смотревшее на него с такой непоколебимой уверенностью, будто во всем мире существовали только они двое.

Правда, проснувшись, он почему-то нашел Чи Мэя внешне чем-то похожим на него.

Тао Шаньцзэ изо всех сил постарался выбросить эту мысль из головы.

Этого мелочного муженька нельзя было и близко ставить рядом с таким нежным, одухотворенным бессмертным!

История о наследном принце взята из одного буддийского предания; я подзабыла, как оно называется, а в интернете отыскать не смогла.

Как вспомню — обязательно помечу~

И до этого тебе есть дело?

Юго-запад соответствовал триграмме Кунь; в Книге Перемен говорится, что Кунь олицетворяет землю, — мысленно отметил Тао Шаньцзэ. Только вот оставалось загадкой, каким образом Байхэ узнала, где находится тот будущий наследный принц.

Согласно учению о кармическом воздаянии, лишь накопив величайшие заслуги в прошлой жизни, можно было обрести небывалое благословение в новом рождении.

Следовательно, его целью должен был стать великий праведник или тот, кто посвятил себя духовным практикам. Судя по вчерашним словам ёкаев, хотя сами они не смели ступить в мир смертных, но могли вселяться в чужие тела. Сам же он обладал лишь плотскими глазами смертного и не мог распознать истину, а значит, оставалось лишь спешить и отыскать нужного человека как можно скорее.

Столица кишела людьми, на улицах яблоку было негде упасть, а среди прохожих мало кто уступал в таланте и благородстве ученым мужам. Проходя мимо Квартала Красоток, Тао Шаньцзэ украдкой бросил туда косой взгляд: в этот утренний час оттуда то и дело вываливались шатающиеся забулдыги, проведенные там всю ночь, а также изрядное число книжников.

По спине Тао Шаньцзэ пробежал холодок: в разгар плотских утех разберешь ли, кто лежит рядом с тобой — человек или призрак?

Полжизни провел за книгами, и если зарыть свою жизнь в таком месте, разве это не убыток?

— Муж!

Тао Шаньцзэ вздрогнул. Кто-то хлопнул его по плечу, и, резко обернувшись, он обнаружил позади Чи Мэя.

— Ты чего увязался? — с недовольным лицом бросил Тао Шаньцзэ, срывая на нем злость.

— Если муж отправился на поиски человека, которому суждено переродиться, почему не взял меня с собой? Какая несправедливость, у Байхэ спросил, а меня, законную жену, обошел стороной! — не переставая улыбаться, Чи Мэй подбежал к нему и тут же ухватил за локоть; их слащавый вид заставлял прохожих оглядываться.

В постоялом дворе Чи Мэй кипел от ярости, чувствуя себя так, будто в него вселился бог ревности: стоило Байхэ хоть на мгновение мелькнуть перед Тао Шаньцзэ, как ему хотелось собственноручно прикончить эту злобную нечисть. Но, опасаясь нарушить устои мира, он был вынужден терпеть.

Однако перейти от обороны к наступлению никто не запрещал.

Исходивший от Тао Шаньцзэ аромат зелени и трав на миг успокоил Чи Мэя. Принюхиваясь, он то и дело норовил уткнуться носом ему в шею, а его дыхание щекотало кожу. То была природная склонность Древнего божественного зверя — распознавать личность по запаху, но в глазах Тао Шаньцзэ это выглядело совершенно иначе.

— Ты что творишь?! С утра пораньше ядом брызгался, а теперь строишь из себя несчастную сироту? — Тао Шаньцзэ был готов подпрыгнуть на три фута от возмущения. Хотя между ними и случалась близость, и кое-что похуже этого они уже делали, но посреди запруженной людьми улицы... это казалось равносильным публичному раздеванию.

— Но... муж, у тебя мочки ушей покраснели.

Волна жара поднялась изнутри тела Тао Шаньцзэ. Он наконец понял, почему рядом с Чи Мэем его охватывала такая ярость: стоило оказаться в компании кого-то другого, как мысли текли ровно, а в груди не пылал этот мучительный жар.

Но Чи Мэй вечно баламутил его душу: стоило тому появиться, как становилось не по себе, и он забывал о том, что собирался сделать.

Хотелось лишь окончательно выяснить с ним отношения.

Сглотнув слюну, Тао Шаньцзэ задвигал кадыком. Его грудная клетка тяжело вздымалась, а сквозь стиснутые серебряные зубы он процедил по слогам:

— Если еще раз сунешься так близко — дальше пойдешь один.

Чи Мэй давно уже освоил искусство бесстыдства и подстраивания под обстоятельства:

— Ой, милый муж, да я же не со зла лезу, просто боюсь, что ты меня бросишь...

Чи Мэй замолчал, и при слове «бросишь» его сердце вдруг пропустило удар.

Охнув от подступившего головокружения и внезапной тошноты, не имевшей аналогов за всю его тысячелетнюю жизнь, он почувствовал, как в его теле запылал и обжог душу собственный исток.

Поспешно прижав ладонь к груди на мгновение затуманившимся взором, он проводил взглядом спину Тао Шаньцзэ, погружаясь в хаос.

Впрочем, продолжалось это недолго. В следующий миг силы вернулись к Чи Мэю, жжение утихло, и, вернув прежнее выражение лица, он быстрой поступью нагнал спутника.

Глядя на хрупкую шею Тао Шаньцзэ, он почему-то вспомнил цветочный стебель, поддерживающий красный лотос в одноименном пруду.

Продвигаясь вперед, они забирались во всё более глухие и заброшенные переулки, почти добравшись до окраины города, когда Чи Мэй не удержался от шпильки:

— А твоя Бай-то не врет? Неужели не обманула?

— Заткнись! — не оборачиваясь, прикрикнул Тао Шаньцзэ, и Чи Мэй тут же умолк.

<http://bllate.org/book/22407/2352265>